

Лицом к лицу

1

Норд-вест гонит навстречу катеру крупную волну. Над головой собираются тучи. Они обложили все небо, еще больше сгущая мрак полярной ночи.

Далеко впереди появляются и исчезают лучи прожекторов, обозначая землю. А берега не видно. Рассекая волны, катер идет туда, где мечутся прожекторные лучи, и откуда, пока едва слышно, доносится канонада.

На земле идет бой. Морская пехота штурмует Муста-Тунтури — тот самый хребет, который к утру должен быть уже далеко позади нас.

Я стараюсь думать о предстоящем марше и бое, а в голову назойливо лезут совсем несерьезные для такого момента мысли. Почему-то вспомнил телеграмму, которую сегодня вечером Макар Бабилов отправил своей невесте Любе. Девушка работает в одном из тыловых подразделений флота. Случайно встретил Макара на узле связи — оба завернули туда по дороге к причалу. Последние две недели никто из разведчиков не получал увольнительной, а вернувшись с полуострова Рыбачий, мы сразу стали готовиться к рейду. Макар, конечно, скучает по своей Любушке. И вот, у телеграфного окошка, Макар показал мне аккуратно заполненный бланк с одной строчкой — условным "кодом" влюбленных:

Жди меня!

"Жди меня"... Два года назад мы были первыми читателями этого, тогда еще не напечатанного, стихотворения. Поэт Константин Симонов ходил с нами в поход на мыс Пикшуев. Мы в тот раз избежали стычки с егерями. Обнаружили тайный склад боеприпасов, уничтожили его и повернули к морю, к катеру. Но из следующего рейда некоторые, хорошо знакомые поэту разведчики не вернулись в базу. Мы тревожились за их судьбу, но верили в их возвращение, ждали. Может быть, под впечатлениями похода на Пикшуев поэт и написал стихотворение, ставшее столь популярным среди фронтовиков? Подаренный майору Добротину листок со стихом пошел по рукам. Мы переписывали и заучивали это стихотворение, посылали его своим любимым.

Жди меня, и я вернусь...

Ветер крепчает, зло хлещет в лицо снежной крупой, солеными брызгами и угрожающе воет. Гигантские кинжалы прожекторов скрещиваются и разбегаются, бессильные распороть занавес неба. А тучи наслаиваются все ниже и ниже, виснут над головой.

Все явственней доносится гул боя.

По палубе катера забегали матросы. Вот они поднимают сходни. Значит, скоро покинем палубу. Катер уйдет... Катер Ляха уже не придет за нами, потому что на этот раз десант морских разведчиков пройдет от одного берега моря к другому, от губы к мысу, не для того, чтобы вернуться в базу. Овладев Крестовым, мы вольемся к общий поток наступления. Будут новые рейды, новые смертельные схватки. И все же, как писал поэт — жди меня! Я вернусь, всем смертям назло!..

Нет, надо думать о другом! В первую очередь — о связи между тремя группами, о наблюдении, оповещении. Правильно ли я поступил, разбив отряд на три группы? Гузненков — хороший товарищ, но каков он с бою?

—Подходим, — говорит мне Лях.

В кромешной тьме ночи берега не видать. Катер замедляет ход, стопорит.

Из кубрика один за другим поднимаются на палубу разведчики. Они настороженно смотрят в сторону берега и ждут, когда сбросят длинные, специально сделанные для высадки сходни. Мы слышим, как сходни шлепаются в воду. Катерники сбегают вниз, поднимают их концы. Сами по пояс в студеной воде, прокладывают нам сухую дорожку на берег.

— Хорошие у тебя ребята! — говорю Ляху. — Поблагодари их...

Лях дольше обычного задерживает мою руку в своей. Командир катера знает, куда и зачем мы идем. Вчера Лях пошутил: "И почему, Виктор, тебе дают такие веселые маршруты: Могильный? Крестовый?" — "Так ведь на катере Ляха обязательно к черту на рога попадешь!" — ответил я шуткой.

Теперь Борис Лях молчит. То, что он хочет сказать, заменяет долгое и крепкое рукопожатие.

— Кланяйся Шабалину, — говорю я Ляху на прощанье. — Скажи, что встретимся с ним там...

— Конечно, встретитесь! Я за тебя спокоен. Знаешь, что означает слово Виктор, Виктория?

— Нет! После расскажешь. Когда встретимся...

И довольный такой невинной ложью и наивной приметой (если есть повод для встречи, то встреча состоится), сбегая по сходне и прыгаю на скользкие прибрежные камни.

Заработал мотор уходящего катера. Я не оборачиваюсь и спешу к разведчикам. На всякий случай они занимают оборону.

Судя по времени, отряд Барченко уже начал обход сопок и скал.

Наш путь к мысу Крестовому короче и труднее,

2

В полночь штурмуем крутую сопку.

Стоя на плечах Семена Агафонова и прислонившись к скале, парторг отряда Аркадий Тарашнин вырубает в почти отвесной гранитной стене ступеньки. Его примеру следуют другие. С помощью таких ступенек и каната взбираемся на вершину сопки и видим новые, еще более крутые горы.

"Тяжела дорога к "ключу от Лиинхамари"!"

Ветер немного стих, но повалил густой снег.

Мы вышли к равнине, которая ведет к следующему пункту маршрута. Покрытая ровным слоем снега, эта равнина очень опасна. Новичку может показаться, что сейчас идти будет легче. Но впереди идущий Фатькин поднимает руку, и цепь разведчиков замирает. Фатькин обвязывает себя одним концом каната, другой конец передает Андрею Пшеничных, потом ложится на снег и ползет. Он ползет медленно, прощупывая руками каждый метр, чтобы обнаружить замаскированные под снегом расщелины.

Фатькин прокладывает для нас на горном плато надежную тропу.

Чуть светлеет, когда мы штурмуем еще одну вершину. Бой, разгоревшийся ночью на хребте Муста-Тун-тури, приближается. Лучи прожекторов со стороны Ли-инхамари все еще шарят по скалам. Я останавливаюсь, пропускаю мимо цепочку разведчиков. Они идут широким шагом, тяжело передвигая натруженные за ночь ноги. Надо дать людям отдых, пусть хоть немного поспят, тем более что двигаться днем небезопасно.

А снег все валит, заметая наши следы.

Устроили привал у подножья горы, и через полчаса фигуры прикорнувших разведчиков превратились в белые холмики. Все спят. Бодрствуют только мой связной Борис Гугуев и радист Дмитрий Кажаяев. Я закрываю глаза и, уже засыпая, слышу, как радист повторяет позывные штаба, потом переключается на прием:

—Юпитер, Юпитер, как слышите меня? Я вас слышу хорошо...

Мгновенно вскакиваю. Радист, прижав ладони к наушникам, выразительно смотрит на меня и при этом согласно кивает головой:

—Юпитер, я вас понял! Я вас понял, — внятно повторяет Кажаяев. — Земля тут рядом. Земля — рядом со мной. Сейчас ей все будет — передано. Как меня поняли? Прием...

Командующий сообщил нам, что хребет Муста-Тун-тури очищен от неприятеля, что с юга пехотные части Карельского фронта вышли на дорогу к Петсамо. Командующий требовал ускорить движение.

Я приказал поднять людей. Ожили, зашевелились снежные холмики. Гузненков, Тарашнин, Манин, агитаторы групп рассказала разведчикам об успехах наступающих войск, о предстоящем дневном марше, подбадривали уставших.

И — снова в путь.

Смеркалось, когда мы увидели впереди очертания мыса Крестовый.

Так вот он какой, этот скалистый, черной стеной нависший над морем мыс! Высоко забрались егеря со своими пушками. Оттуда им виден залив Петсамо-вуоно и море и, если погода ясная, — наш полуостров Рыбачий, на который они нацелились стволами своих пушек. Завтра в это время наши десантные катера начнут свой рейд в Лиинхамари мимо мыса Крестового. Но впереди еще ночь, долгая, осенняя полярная ночь.

Завидев мыс, разведчики прибавили шаг.

Мы штурмуем последнюю, самую крутую скалу в тылу огневых позиций мыса Крестового.

Уже ночь опустилась на землю, а мы лезем все выше и выше, пока не забираемся на усыпанную валунами площадку. Расходимся тремя группами, чтобы взять в полукольцо первую батарею.

Вторая батарея находится внизу, у самого уреза воды.

Тихо вокруг. Порой кажется, что на Крестовом никого нет, а если и есть там батареи, то артиллеристы, спокойные за свой тыл, крепко спят.

Бесшумно ползем меж больших и малых камней, подбираясь все ближе к площадке мыса.

Ящерицей извивается на земле ползущий впереди связной Борис Гугуев.

И вдруг, задев рукой тонкую проволоку, Гугуев шарахнулся назад. Но уже было поздно. Задребезжал один колокольчик, из разных мест отозвались ему другие. Еще вокруг стоял звон, а в небо уже взметнулись серии разноцветных ракет, и слепящий глаза свет прижал нас к земле. Мы увидели прямо перед собой забор колючей проволоки. За забором виднелся глубоко вкопанный в землю барак. Фигура часового, охранявшего вход в барак-землянку, возвышалась над крышей. И еще мы заметили две пушки с задранными вверх стволами, которые теперь медленно опускались

в нашу сторону, и часового, бегущего от забора к барaku. И все это в двадцати — сорока метрах от нас.

Часовой не добежал до пушки — Гугуев срезал его очередью из автомата. Но второй часовой успел юркнуть в помещение.

—Вперед! — скомандовал я.

—Вперед, североморцы! — подхватил мой клич Иван Гузненков.

Взвод Баринаова ближе других к заграждению. Сорвав с себя стеганую куртку, Павел Барышев кинул ее на колючую проволоку и перевалил через ограду. Высокий Гузненков с ходу перемахнул через проволоку, упал, отполз и тут же открыл огонь по дверям барака.

Разведчики стали стаскивать с себя куртки, плащ-палатки, приближаясь к колючей проволоке. А Иван Лысенко подбежал к железной крестовине, на которой висела проволока, нагнулся, сильным рывком взвалил крестовину на плечи, медленно поднялся во весь рост и, широко расставив ноги, надрывно крикнул:

—Вперед, братва! Ныряй!

—Молодец, Лысенко!

Я проскочил в образовавшуюся под забором брешь.

Обгоняя меня, к барaku и пушкам, к блиндажам и землянкам бежали разведчики.

Семен Агафонов забрался на крышу блиндажа, близ пушки. "Зачем это он?" — недоумевал я. Из блиндажа выскочили два офицера. Первого Агафонов пристрелил (потом выяснилось, что это был командир батареи), а второго, обер-лейтенанта, оглушил ударом приклада автомата. Спрыгнув, Агафонов догнал Андрея Пшеничных, и они стали прокладывать себе гранатами дорогу к пушке.

Агафонов и Пшеничных еще вели рукопашный бой с орудийным расчетом, а Гузненков с двумя разведчиками, Колосовым и Рябчинским, уже поворачивали пушку в сторону Лиинхамари.

Егеря из барака выскакивали навстречу бегущим к ним разведчикам и на ходу открывали огонь.

Раненный в грудь Иван Лысенко упал на колени, но крестовину не сбросил. Под проволокой, которую держал Лысенко, все еще проползали разведчики. Когда позади Лысенко уже никого не осталось, он закачался и с тяжелым вздохом, лицом вперед, рухнул на землю, придавленный крестовиной.

—Прикрой Гузненкова! Отрезай егерям дорогу из барака к пушкам! — приказал я Баринoву, а сам повел группу разведчиков на подавление двух дотов, откуда неумолчно строчили пулеметы. Прицельным огнем из автоматов и винтовок по амбразурам дотов мы ослепляли пулеметчиков и короткими перебежками сближались для броска гранат.

А разведчики из отделения Баринаова в это время вели тяжелый бой с егерями, которые отчаянно пробивались к своим огневым позициям. У самых дверей барака упал тяжело раненный матрос Смирнов. Врач отряда, лейтенант Луппов, подполз к Смирнову и взвалил его на плечи. Из окна барака ударил пулемет, и наш доктор остался недвижно лежать с убитым матросом на спине.

К окнам барака подбежали Фатькин и Соболев, Колосов и Калаганский. Они швырнули в помещение гранаты. В предсмертных криках и столах егерей заглух пулемет.

— Не задерживайся! — крикнул Анатолий Баринов и уже поднялся, чтобы повести разведчиков на захват третьей пушки, но в это время увидел большую группу егерей. Это шло подкрепление из оружейных расчетов второй батареи.

Егеря заходили к нам в тыл.

— Берегись! — услышали мы позади крик Володи Фатькина.

Я обернулся и увидел ринувшихся в атаку разведчиков Баринова.

Егеря дрогнули, залегли, но не отступили, а открыли сильный огонь.

Прибежал связной от Бабикова, заменившего раненого Баринова, и сообщил, что егеря нападают. Я поспешил на выручку.

Егеря отступили к своей батарее, но командира взвода и самого молодого в отряде разведчика мы уже не застали в живых. Главстаршина Анатолий Баринов и матрос Володя Фатькин пали смертью храбрых. Ранило Колосова и Калаганского.

Потеряв управление боем, артиллеристы метались из блиндажа в блиндаж, из землянки в землянку. Их было много. Несмотря на большие потери, которые нес неприятель, очаги сопротивления возникали то в одном, то в другом месте.

— Захватили вторую пушку! — доложил мне связной Змеева. — А лейтенант ранен. И Тарашнина ранило в руку. И еще...

— Ну, говори!

— Саша Манин погиб... Комсорг наш...

...Стрельба затихла. К рассвету сопротивление последних очагов было подавлено. Первая батарея на вершине скалы была в наших руках.

Но мы знали, что тяжелые испытания еще впереди.

С противоположного берега по мысу ударили пушки и минометы. Открыла огонь дальнобойная артиллерия с Лиинхамари. Мы лежали, прижавшись к земле, а над нами, в туче снежной пыли, носились осколки камней и снарядов.

Я приказал вытащить замки из пушек и отползти к ближайшему хребту, откуда можно контролировать разгромленную батарею.

Когда артобстрел прекратился и над высокой скалой мыса Крестового осела пыль, мы увидели плес Девкиной заводи.

В залив, огибая мыс, зашли два вражеских катера и три шлюпки.

— Вот для кого они артподготовку вели! — сказал мне Гузненков. — Сейчас будут высаживать десант.

— Этого следовало ожидать. Десант против десанта! — обратился я к разведчикам. Такого боя у нас еще не было.

— Жмутся к берегу... Эх, жаль, из автоматов их не достанешь.

Разбив отряд на несколько штурмовых групп, я приказал командирам:

—Атаковать десант! Не дать егерям высадиться, не дать им зацепиться за берег!

4

Первый вражеский десант не знал, какими силами мы располагаем. Один катер уже успел высадить два отделения солдат, но, атакованный нами, тут же отошел. Гугуев, Агафонов и Пшеничных, находившиеся в засаде, начисто истребили высадившихся гитлеровцев.

Тогда противник изменил тактику. Его десантные суда шли теперь по заливу широким фронтом, вынуждая нас растягивать оборону и создавать большое количество мелких штурмовых групп.

Сражение разгоралось на протяжении трех — четырех километров. Успех боя зависел от инициативы и самостоятельных действий отдельных групп. Ими командовали смелые и опытные командиры — Никандров, Бабилов, Агафонов. Раненые Змеев и Тарашнин не покинули строй. На наиболее опасных направлениях бывали Змеев, Гузненков или я.

Вторая попытка егерей высадить десант также окончилась для них безрезультатно.

Тогда они применили хитрый маневр и обманули нас.

Из порта Лиинхамари вышел еще один десант и взял курс в глубь залива, удаляясь от мыса. Кто-то из молодых разведчиков крикнул:

—Эй, вояки, отдают концы! Кишка тонка, чтобы десант против десанта!

—Не радуйся...

Мичман Никандров, глядя на уходящие катера, озабоченно качал головой, потом подошел ко мне и сказал:

—Я так думаю, товарищ лейтенант, что немцы будут высаживаться дальше. Обогнут сопку и по той же скале попытаются забраться на мыс.

—То есть пройдут по нашему маршруту? — спросил Гузненков. — Это возможно... Мнения разделились:

—ДУХУ не хватит!

—Как сказать? На то они и горные егеря, чтоб по скалам лазить.

—Пусть попробуют...

Прошло не более получаса, как наблюдавший за морем Бабаков доложил, что в залив входят еще два катера. Новый десант круто повернул к берегу, нам навстречу.

Что замышляет противник? Неужели это только демонстрация высадки, отвлекающая нас от основного удара? Я приказал Бабилову организовать оборону на склоне сопки, примыкающей к воде, и на всякий случай оставил около себя, в резерве, двадцать разведчиков.

Гузненков ушел с взводом Бабилова. Я сел писать радиogramму.

Отряд нуждался в боезапасах и продуктах. Штаб обещал сбросить нам с самолетов патроны и харчи, а в случае нужды — оказать огневую поддержку с воздуха. События складывались так, что нам может скоро понадобиться такая поддержка.

Только передал я радиogramму Кажаяпу, как увидел бегущего матроса Мальцева, часового, охранявшего раненых, которые лежали в камнях, недалеко от обрыва скалы. Мальцев был ранен в шею. Совершенно обессиленный, он упал у моих ног и прохрипел:

—Там... лезут... немцы!..

—Где?!

Мальцев показал в сторону скалы.

—Вернуть группу Бабикова?

—Поздно! За мной!

Мы бежали мимо раненых, которые уже догадывались, какая опасность им угрожает. Мы спешили к тем камням, в которых маскировались минувшей ночью и откуда уже постреливали егеря, оседлавшие высоту. Полусогнувшись, прячась за камни, потом ползком сближались с егерями, не видя друг друга, пока в тесном лабиринте камней и валунов не столкнулись лицом к лицу.

Вспыхнул и разгорелся необычный, редкий по своей напряженности и внезапности бой. Воинственные крики и отчаянные предсмертные вопли, треск автоматных очередей и лязг стволов. Меж камней мелькают фигуры разведчиков и егерей. Удары прикладом и короткие взмахи кинжалов. Это была та смертельная схватка, когда в ход идет и кулак, и холодное оружие, и подвернувшийся под руку булыжник. Бешеные рывки и обхваты, удары ногой в живот и подножки...

Считанные метры отделяли егерей от обрыва крутой скалы, на которую они забрались. Мы знали: на эту же скалу шаг за шагом, ступенька за ступенькой, поднимаются другие егеря. Те, кто наверху, ждали помощи. Отступить им некуда, я они дрались с неистовой яростью людей, у которых один только шанс — удержаться в камнях на краю обрыва.

Но с еще большим ожесточением пробивались мы к обрыву. Позади нас — раненые товарищи. Еще дальше — группа Бабикова ведет бой на побережье. Все погибнут, вся операция сорвется, если не сбросим в пропасть первую группу егерей, взобравшихся на скалу.

Быстрее других расчищал себе дорогу Андрей Пшеничных. Худой, жилистый, сильный и верткий, он прыгал, падал, исчезал и тут же появлялся в другом месте. Я увидел Андрея совсем близко, притаившимся за большим камнем. По другую сторону камня два егеря ожидали его появления. Короткий выпад вперед, затем обманное движение, и вот уже свалился один егерь, сшибленный ударом приклада. Но, падая, он подсек Андрея, и тот растянулся на скользком камне. К нему тотчас же устремился другой егерь. Я вскинул автомат, но дал очередь вверх, увидев позади егеря Тарашнина и Гугуева. Гарантии правой, здоровой, рукой размахивал автоматом. Навстречу им полетели гранаты. Тарашнин и Гугуев залегли.

—Держись, Андрей! — крикнул я, бросаясь на помощь к Пшеничным.

Два штыка преградили мне путь. Нырком шарахнулся в сторону, и один штык, скользнув по голове, сорвал шлем.

—Андрей, берегись! Эх!..

Рослый егерь уже занес винтовку над распластанным на земле разведчиком. Я не видел, как Андрей птицей мотнулся в сторону, но услышал лязг приклада о камень. Винтовка вывалилась из рук егеря, и он нагнулся, чтобы поднять ее. В это мгновение я прыгнул через камень и ударом приклада автомата оглушил егеря.

—Эй, сзади! — крикнул Пшеничных. Я обернулся и дал очередь из автомата. Преследовавший меня егерь не успел выстрелить.

—Как там ребята? — спросил, вставая, Андрей и только теперь беспокойно оглянулся по сторонам.

Мы вырвались далеко вперед.

—Я тут! Тут я! — кричал пробивающийся к нам маленький Павел Барышев.

Его не видно за большими камнями. Потом подбежали Тарашнин и Гугуев, показался Никандров со своей группой.

Мы теснили врагов. Когда позади них уже чернел обрыв скалы, они бросились в последнюю контратаку. Мы ее дружно отбили. Еще один решительный бросок вперед — и уцелевшие егеря с отчаянными воплями скатились вниз.

Все восхищаются Андреем Пшеничных и поздравляют его. Андрея сравнивают с лучшим мастером рукопашного боя Семеном Агафоновым, который находится сейчас в группе Бабикова. А герой боя, когда ему уже ничто не угрожает, мелко дрожит, смотрит на меня испуганными глазами и виновато улыбается:

—Как это я споткнулся? Ух, подлые! Смерть смотрела мне в глаза, да командир спас. Честное слово, братки!..

—Ладно, Пшеничных, успокойтесь! Дрались вы замечательно. А поскользнуться тут недолго.

5

Мы приводим себя в порядок. Наши потери — четверо легко и двое тяжело раненных. Оставляем охранение у обрыва скалы и спешим к Гузненкову и Бабикову, но еще по дороге к ним мы слышим нарастающую стрельбу справа и слева от сопки, которую обороняют наши разведчики.

Пока мы вели бой у обрыва скалы, егеря успели высадить еще два небольших десанта близ сопки и потеснили группу Бабикова. Они и нас вынудили залечь, а потом — откатиться назад.

Снова позади нас раненые, а еще дальше... Если враг удержит берег и подбросит подкрепление, то нас ожидает участь тех, кого мы недавно сбросили в пропасть...

Плотным огнем прижимаем к земле высадившийся десант и одновременно ведем обстрел катера, приближающегося к берегу. Но в залив входят еще несколько шлюпок.

Положение обостряется.

Я с тревогой думаю о боезапасах — их осталось не много. В пылу боя я забыл о радиограмме. О ней напомнил гул появившихся над мысом краснозвездных штурмовиков.

—К нам! — закричал Гугуев и замахал здоровой рукой. — Выручайте, летчики-молодчики!

Три "ила" сделали первый заход и стали пикировать на катер и шлюпки, которые теперь быстро уходили с залива. Летчики по радио запросили ориентиры. Мы обозначили ракетами наше местоположение, потом нацелили самолеты на позиции врага. Нам сбросили на парашютах патроны и продукты. Пока не прилетело другое звено штурмовиков, первые три самолета кружили над мысом, непрерывно поливая огнем егерей, и не давали им возможности подняться для атаки.

Летчики помогли нам продержаться до темноты. Ночью враг подбросил подкрепление. Мы отбили несколько атак и все же вынуждены были отойти на другую сопку, которую занимали морские пехотинцы из отряда Барченко. Сам Барченко с передовой группой проник через побережье ко второй батарее и сковал ее действия. Мы поддерживали с этой группой связь.

—Товарищ лейтенант, уходят! — услышал я голос взбирающуюся на сопку связного Каштанова. — Немцы по берегу таскают какой-то груз к причалу.

Я повел отряд к морю. Мы догнали отступавших егерей и с ходу обрушились на колонну, которая шла вдоль берега и была уже близко от причала. Колонна рассыпалась, оставив на берегу ящики с грузом. Егеря тут же контратаковали нас. Опять разгорелись короткие, яростные схватки. С причала на помощь разгромленной колонне бежали новые группы егерей. Отстреливаясь, мы начали отход на свою сопку. А егеря все прибывали. Теперь они упорно лезли вверх, несмотря на потери, и, видимо, решили покончить с нашим десантом. Я крикнул, что было сил:

—Скоро придет помощь! Держаться!

—Держаться! Держаться! Держаться! — гремело по гребню сопки.

И в это время в Лиинхамари и на высотах противоположного берега залива вспыхнули прожекторы. Мы увидели егерей совсем близко от себя, и в ход пошли последние гранаты. Освещенные своими прожекторами, враги откатились. А лучи прожекторов, выхватывая из темноты зубцы скал и гребни гор, устремились к заливу и — никогда не забыть мне этой ми-путы! — светлой лентой легли на плес, по которому быстро шли маленькие корабли.

Это были наши десантные катера. Один, другой, третий...

Они шли, маневрируя, и стреляли из пушек и пулеметов по правому берегу Девкиной заводи.

Вот они уже приближаются к мысу Крестовому. Мыс безмолвствует! Бьют орудия из Лиинхамари, бьют наугад. Идет дуэль между пушками с правого берега залива и пушками катеров. Мыс Крестовый молчит!.. Замки от орудий первой батареи в наших руках, а орудийные расчеты второй батареи отбиваются сейчас от нападающих на них пехотинцев из отрядов капитана Барченко.

—Ура! — Это поднялся во весь рост Гузненков, приветствуя заходящие в залив катера.

—У-рра-а! — прокатилось по гребню сопки. И, уже не ожидая команды, разведчики ринулись в бой. Даже раненые, которые могли двигаться и стрелять, присоединились к нам.

Морально надломленные, объятые паническим страхом егеря дрогнули и, не выдержав нашего натиска, побежали к морю. Но бежать далеко некуда. К утру бой шел уже на узкой полоске побережья. Спротивлялись только самые отчаянные гитлеровцы из гарнизона Крестового. Они не сдавались в плен, даже израсходовав все патроны.

Семен Агафонов вел бой с двумя гитлеровцами. Сразив одного, Семен загонял в воду другого и кричал:

—Да сдавайся же ты, сукин сын! Убью ведь! Хенде хох! Ну?..

Гитлеровец выпустил из рук винтовку, поднял левую руку, присел, а правой схватил булыжник, замахнулся и упал, сраженный короткой очередью автомата.

Агафонов подошел к берегу залива, присел на корточки и ополоснул руки.

—Ну, вот! Кажется, все...

Гузненков со своей группой уже находился на первой батарее. Разведчики вставили замки в орудия, зарядили пушки и дали залп по порту Лпинхамари. Наводчики мы были неважные, но снарядов много, и нам удалось, наконец, зажечь какой-то бензобак у причала и деревянный склад.

Пылают пожары в Лиинхамари, на подступах к которому уже находится высаженная с катеров морская пехота. Идет бой на восточном берегу залива, откуда начали обход порта. Только на мысе Крестовом тихо. Вторая батарея капитулировала, и пленных собирают в одно место. Семьдесят уцелевших и бросивших оружие егерей сидят, охраняемые одним легко раненым разведчиком.

Вскоре к Крестовому подошел торпедный катер Шабалина.

— Вот мы и встретились, — спокойно сказал мне Александр Осипович, и только блеск в глазах выдавал его радость. — Спасибо, братки! Я прижимался к левому берегу, надеялся на вас. Ох, если бы пушки с Крестового заговорили! Кормили бы мы сейчас рыбку... Однако вспоминать теперь некогда.

Шабалин передал мне приказ генерал-майора Дубовцева: идти на помощь морской пехоте, штурмующей Лиинхамари.

В Лиинхамари уже находился адмирал Головкин. По его приказу мы выделили патрули для наблюдения за порядком, посты для охраны наиболее важных объектов. Я попросил у адмирала разрешения вернуться на Крестовый для похорон погибших разведчиков.

— Отряд дрался героически! — сказал адмирал. — Всех до единого представьте к награде. Не скучитесь! А вас мы представляем к званию Героя...

— Благодарю, товарищ адмирал! Только... как же Агафонов и Пшеничных? Они первыми прорвались к батарее и захватили ее. А как потом дрались! Все разведчики отряда считают их героями.

— Ну, если все, — адмирал чуть улыбнулся, — тогда ошибки не будет. Пишите репортажи.

Вернулся я на Крестовый уже к концу дня и рассказал о беседе с адмиралом. Оказалось, что адмирал уже встречался с ранеными разведчиками, расспрашивал их о боях на Крестовом.

— После разговора с адмиралом, — сказал мне Гузненков, — Колосов и Калаганский до того осмелели, что сразу попросили у командующего поощрения.

Я насторожился. Это непохоже на молодых, очень скромных разведчиков, раненных в последней схватке. Гузненков меня успокоил:

— Мы, говорят они командующему, ранены легко. А потому прикажите, товарищ адмирал, не отправлять нас в далекий тыл. В базе, у моря, рядом с отрядом, мы быстро поправимся. И адмирал обещал за них похлопотать.

6

Нас ждали новые боевые задания.

Здесь, на Крестовом, осталось только сделать два дела:

эвакуировать пленных, которые уже похоронили всех убитых егерей — их оказалось свыше ста человек, — и похоронить своих товарищей.

Гузненков ведет меня в долину, где построены все разведчики, чтобы отдать последнюю дань товарищам, павшим в бою на мысе Крестовый. Вот они, друзья наши, лежат в один ряд у большой свежевыкопанной могилы. Мертвые лица обращены на северо-запад, где высится угрюмая скала Крестового.

Первым лежал богатырь отряда Иван Лысенко. Русый чуб выбился из-под шлема, большие руки скрещены на широкой груди. Много свинца, должно быть, приняла эта грудь, пока перестало биться неукротимое и живучее матросское сердце. Сурово сомкнул рот... А ведь ждал Лысенко того близкого часа, когда сможет с чистой совестью попросить у меня и у Гузненкова рекомендацию в партию. Не дождался... Но погиб как коммунист! Иван Лысенко заслужил это звание, как заслужил и самой высокой награды Родины. Когда под огнем врага он взвалил на себя крестовину

проволочного ограждения, то знал, на какой смертельный риск идет, чтобы спасти много других жизней.

Рядом с Лысенко лежал ветеран отряда, наш "старейшина" — главстаршина Анатолий Баринов. В базе жена и двое детей Баринова ждут возвращения мужа и отца. Маленький сынишка Баринова, тоже Толя, часто приходил к нам в гости. Разведчики называли его сыном отряда... Пшеничных говорил Баринову: "С нами, Анатолий, ничего худого не случится, потому что дома ждут нас семьи": И вот Андрей Пшеничных стоит в строю и, не отрывая взгляда, смотрит на Анатолия Баринова. Худое, рябоватое лицо Андрея потемнело и будто сведено судорогой. Глаза красные, воспаленные и, кажется, появившись в этих глазах слеза, она закипела бы и испарилась... Я теперь понимаю, откуда у Андрея Пшеничных взялась неистовая ярость в рукопашных схватках с егерями...

Как погибли вместе, так и лежат рядом доктор отряда лейтенант медицинской службы Алексей Ильич Луппов и старший матрос Павел Смирнов. А за ними Владимир Фатькин... Эх, Володя, до чего ты и мертвый красив! В твоём матросском рундучке хранится последнее материнское письмо, которое прочел ты нам на собрании. Легче принять еще один тяжелый бой, чем ответить матери Володи Фатькина...

А последним в ряду лежал комсорг отряда старшина второй статьи Манин. Перед рейдом на Крестовый Манину вручили орден за первый поход к Варангер-фьорду. "Манину Александру Васильевичу" было напечатано в Указе о награждении. Мичман Никандров беззлобно подтрунивал над Маниным: "Ну, какой ты Александр Васильевич? Ты — Сашка! Сашка Манин, наш комсорг! А в газете, должно быть, опечатка". — "Со мною, мичман, опечатки в жизни не бывает, — степенно возразил Манин. — Когда Сашка, а когда и Александр Васильевич!"

...Проходят пять, десять минут, а мы все стоим над свежевыкопанной могилой. Нет силы отдать приказ на погребение. Но гул далекого боя зовет вперед. Если бы мертвые могли заговорить, они бы сейчас нас поторопили.

Мы обмениваемся взглядами с Иваном Ивановичем. Гузненков понимает мое состояние и сам произносит короткую речь.

—Заряжай!

Подняты вверх стволы автоматов и винтовок, они нацелены на вершину мыса Крестового, где, откнувшись вниз стволами своих пушек, стоит разгромленная батарея.

Мимо идут пленные егеря. Враги видят десять убитых советских разведчиков, и они помнят, сколько похоронили своих.

Егеря срывают с голов картузы, прижимают руки к бедрам и строевым шагом проходят мимо могилы.

—Огонь!

Гремит салют.

Небо озаряется вспышками ракет, и мерцающий их свет последний раз ложится на лица погибших.

Живые берут в горячие ладони горсти холодной влажной земли.

—Наша! — слышу я сдавленный голос Ивана Гузненкова. — Русская, печенгская земля...

Удар следовал за ударом. С суши, с моря и с воздуха. Рушилась вся оборона неприятеля в Заполярье. Овладев Печенгой, советские войска устремились к норвежскому порту Киркенес. Уже форсирована последняя водная преграда к Киркенесу — Бьек-фьорд. Отовсюду поступают донесения о бесчинствах гитлеровцев в Северной Норвегии. Озлобленные бессилием остановить наступление советских войск, гитлеровцы взрывают мосты, жгут населенные пункты, угоняют на запад мирное население и увозят в Германию награбленное добро.

Командующий приказал нашему отряду высадиться на побережье Варангер-фьорда, выйти на основную коммуникацию противника и принять все меры для спасения имущества норвежцев.

И вот мы снова на полуострове Варангер, в знакомых местах, куда ходили осенью прошлого года и где знают о "сурте дьяволе".

Мы спешим к порту — базе неприятеля. В попутных селениях норвежцы радушно встречают и провожают нас. Впереди — пятьдесят километров по горной дороге. Мы идем форсированным маршем, но быстрее нас несется по всему побережью Варангер-фьорда радостная молва:

—Русерне ком хит! (Русские пришли!)

У доброй молвы быстрые крылья. И вот уже навстречу и следом за нами с гор спускаются скрывавшиеся от гитлеровцев норвежцы. С котомками и связками домашнего скарба идут они к своим очагам. По дороге движется несметная толпа людей, и в Киберге, к которому мы сейчас приближаемся, уже носятся слухи о многотысячной колонне советских войск. У страха глаза велики, и егеря поспешно ретировались из Киберга.

—Русерне ком хит! — кричат мальчишки, бегущие нам навстречу с окраин Киберга.

—Русерне ком хит! — приветствуют нас рыбаки, снимая свои широкополюе шляпы.

—Русерне! — удивленно и радостно улыбаются нам женщины, зовут в дом, чтобы угостить тем немногим, что еще имеется в их разоренных жилищах.

Население Киберга, небольшого рыбацкого поселка, живет впроголодь. На складах, полчаса назад охранявшихся гитлеровцами, имеется мука и мясо, крупы и рыбные консервы, но норвежцы не решаются подойти к складам. Оккупанты могли их заминировать или отравить продукты. Кроме того, это воинские склады, а значит — трофеи победителей.

—Русские сами решат, как поступить с этими складами, — так сказал жителям Киберга самый старый и самый уважаемый среди них рыбак.

Мы открыли склады. Врачи, наш и норвежский, убедились в полной пригодности продуктов. Павел Сутягин — он был с нами в этом походе — предложил жителям Киберга взять все, в чем они нуждаются. Когда он сказал об этом старому рыбаку, тот, робея и смущаясь, повторил предложение Сутягина, чтобы убедиться — так ли это? Правильно ли он понял русского офицера? Нет, он не ослышался. Русские только просят, чтобы все было в порядке и по справедливости.

И тогда старик обратился к собравшимся кибержцам:

—Смотрите и слушайте! Гитлеровцы нас грабили. Русские возвращают нам наше добро. Они только просят, чтобы все было по справедливости. Чтобы каждая семья получила положенную ей долю.

Жители ответили ему гулом одобрения и криками приветствий.

У нас в Киберге небольшой привал. Норвежцы обращаются к нам с одной и той же фразой:

—Ви онскер ельпе дем.

—Что это значит? — спрашиваем мы Сутягина.

—Они говорят: мы желаем вам помочь. Молодые спрашивают: нужны ли нам проводники в горах? Они знают здесь каждую тропинку. Рыбаки предлагают боты, если пойдем морем. Где эти боты? Рыбаки угнали их от гитлеровцев по заливицам, попрятали в камнях. Но стоит только нам пожелать... Нет, Виктор, хороший здесь народ! Они очень любят свой поселок. Знаешь, как они его называют? Маленькой Москвой — Лилле Москва...

Мы решаем оставить в Киберге для охраны нашего тыла небольшую группу разведчиков во главе с Макаром Бабиковым, а остальным на ботах норвежцев двигаться дальше, к нашему конечному пункту. Рыбаки отправляются готовить суда к выходу в море. Только старый рыбак остался с нами и что-то таинственное шепчет Сутягину. Павел Григорьевич согласно кивает головой, потом подходит ко мне и передает "секрет" старика:

—Он говорит, что их лоцманы знают минные поля немцев, и советует взять их с собой.

Такой совет представляется мне заманчивым, но я жду возвращения разведчиков, которых выслал вперед. Вскоре они вернулись и сообщили, что противник покидает порт и отступает на запад.

Мы тронулись в путь.

В новом, уже большом населенном пункте мы помогли норвежцам создать добровольную дружину для наведения порядка на пристани и причалах, для охраны имущества жителей, ушедших в горы. На следующий день в город вернулись почти все бежавшие от гитлеровцев жители. Нас благодарили, рассказывали о пережитом, расспрашивали о Москве, о Советском Союзе.

Прибыла с Киберга группа Макара Бабикова.

Вместе с норвежцами праздновали мы двадцать седьмую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. В канун праздника получили по радио известие о присвоении мне, Семену Агафонову и Андрею Пшеничных звания Героя Советского Союза. Все разведчики, участвовавшие в боях на Крестовом, были награждены орденами.

...Прошел месяц, самый памятный месяц нашего пребывания на севере. Мы начали его с ожесточенных схваток лицом к лицу с ненавистными врагами. Мы заканчивали его в дружеских встречах и беседах лицом к лицу с нашими норвежскими друзьями-рыбаками, портовыми рабочими и их семьями.

На проводы отряда собралось к причалу все население поселка и базы. Стихийно возник митинг. Мы снова услышали песню патриотов Норвегии, борцов сопротивления, которая первый раз прозвучала год назад в горах Босс-фьорда:

Свободные
Не выследит Квислинг...

мысли

Нас горячо поздравляли с победой в Заполярье и желали счастливого возвращения на Родину.

—Передайте благодарность вашему правительству, вашему командованию, всем доблестным советским воинам.

—Желаем вам скорой и окончательной победы над врагом!

Павел Григорьевич едва успевал передавать норвежцам наши пожелания:

— Живите счастливо, как положено жить норвежцу на своей родной земле. Не забывайте черных дней оккупации. Помните о нашей встрече. Боритесь за мир и счастье во всем мире.

— Мы вас не забудем! — кричат норвежцы, выучившие наизусть эти четыре русских слова.

— Не за-бу-дем! — скандируют парии и девушки.

Над причалом взвивается государственный флаг Норвегии.

Люди машут нам руками, шляпами, долго-долго стоят на берегу, пока не исчезают в морском тумане.

Наш катер, набирая скорость, взял курс к родным берегам.

8

Утихли бои на севере.

Мы испытываем странное, непривычное для нас чувство. Война еще не закончилась, а противника перед нами нет.

Большие сражения развертываются в Восточной Пруссии. Фронт приближается к Будапешту и к Берлину, потом к Вене и к Праге. Радио принесло весть о встрече наших и союзных войск на Эльбе — значит и там больше нет фронта...

А мы все еще находимся в базе, где почти четыре года назад застала нас война.

По-разному складывались судьбы фронтовиков, и в разных краях-странах встречали они майский день великой Победы.

Какой-нибудь сибиряк, который неделю поездом добирался до полей сражения, вспоминал, вероятно, в этот день тяжелую фронтовую дорогу от Москвы до Сталинграда и от Сталинграда до Берлина. А сколько коренных жителей севера, ставших солдатами, побывали за последний год воины в теплых краях на Балканах? Позади них осталась пройденная с боями Украина и Молдавия, Румыния и Болгария, города и села Югославии... Только мы, североморцы, ни разу не сменили свою базу — ту, что лежала на пути врага к Мурманску.

Наступил май 1945 года, а над нами то же небо, в котором мы первый раз увидели вражеские самолеты, не зная, что в их люках смертоносный груз. Мы собрались в День Победы на митинг, любясь ясным майским небом. И то же море плещется у родных берегов. И земля под нами та же — суровая и прекрасная, холодная и богатая неисчерпаемой энергией полярная земля. Так и не ступила на нее нога егеря из хваленых дивизий "Эдельвейс". Не осквернили ее "герои" Нарвика и Крита, хотя отсюда до старой границы, где был сосредоточен мощный наступательный кулак двадцатой Лапландской армии Гитлера, — считанные десятки километров. Что ж, этим можно гордиться!

— Я горжусь тем, что в годы войны командовал вами, отважные североморцы! Самый молодой флот нашей Родины — Северный — с честью и славой выполнил свой долг перед Родиной.

Так говорил на митинге адмирал Головкин.

От имени морских разведчиков на митинге выступил Макар Вабинов. Он волновался, когда начал речь. И все мы, вместе с Макаром, переживали волнение, когда он первое свое слово посвятил вечной памяти павших в боях, памяти тех, кто отдал свою жизнь за торжество нашего великого и правого дела.

* * *

...После Праздника Победы миновал месяц.

Некоторые разведчики увольнялись в запас. Трогательно расставались мы со Змеевым, с Тарашинным и другими нашими товарищами. Клялись в дружбе и верности рожденному в боях матросскому братству.

Потом началась полоса мирной учебы. Оставшиеся в строю гадали: что же будет дальше с отрядом? Созданный в первый месяц войны и только для войны, наш отряд, конечно, должен быть расформирован. Между тем, хотя нас осталось мало, командование все еще держит нас в резерве.

Наконец, был получен приказ собираться в дальнюю, очень дальнюю дорогу.

На прощанье адмирал сказал мне:

—Скоро вас будут называть уже не североморцами, а тихоокеанцами. Вас там встретят как героев. По заслугам встретят! Но где бы вы ни были, дорожите боевой славой североморцев. Так дорожите, чтобы, коль доведется услышать о вас — а я в это верю, — мы с гордостью могли бы сказать: наши орлы! Те, что с Рыбачьего! Герои Пикшуева и Могильного, Крестового и норвежских походов!

—Товарищ адмирал! Разве можем мы?.. — я запнулся от избытка чувств. — Разве такое когда-нибудь...

—Понимаю, Леонов! — тепло улыбнулся адмирал. — Такое не забудется! Воинской славой, добытой дорогой ценой, нельзя не дорожить. Счастливый путь, друзья, и новой вам славы!

...Разведчики знали, куда и зачем они едут. На Тихом океане получим пополнение. Пока нас немного, зато каждый из добровольно согласившихся остаться в отряде, испытан, проверен и закален в боях. Едет с нами мичман Александр Никандров, ветеран отряда — он вместе со мной начал службу разведчика летом сорок первого года. Едут Герои Советского Союза Андрей Пшеничных и Семен Агафонов. С нами — старший лейтенант Гузненков (после Крестового ему и мне присвоили звание старшего лейтенанта). Среди добровольцев — Борис Гугуев, Павел Барышев, Макар Бабилов и уже отличившиеся на Крестовом "новички" Павел Колосов, Михаил Калаганский, Виктор Карпов, Сергей Бывалов и другие разведчики, вернувшиеся в отряд из госпиталей. Это — цвет отряда североморцев.

В летний июньский полдень покидаем мы север.

Поедем через Москву, где погостим несколько дней. В пути встретимся с родными и знакомыми. У всех праздничное настроение. На новеньких кителях и фланелевках ярко поблескивают боевые ордена и медали.

—Прощай, север! — с необычной для него грустью говорит весельчак Борис Гугуев, когда мы уже сели в вагон. — Миша! — он круто повернулся к Калаганскому. — Вытаскивай аккордеон!

Калаганский не спеша кладет на колени аккордеон — наш трофей после боев на Крестовом. То-то сейчас начнется песня-пляс! Но Миша Калаганский вдруг опускает голову. Чего он ждет? О чем думает? Наконец, Миша встает и медленно, с аккордеоном в руках, подходит к окну. Протяжно гудит паровоз, и нам кажется, что этот гудок отозвался для нас прощальным эхом в горах и на далеких мысах.

Тихо трогается поезд, и мы слышим мотив любимой песни — нашей, североморской, под которую уж никак плясать нельзя. Но запевка дана, и Борис Гугуев тоже подходит к окну и затягивает своим тенорком:

Прощайте, скалистые горы, На подвиг Отчизна зовет...

Мир царит во всех странах Европы, а нас Отчизна зовет на новые бои, на новые подвиги.

Песня воскрешает в памяти походы и рейды в далекие тылы врага. Зримо предстают очертания родных берегов и клочущее море и туманы — все, с чем мы, может быть, навсегда расстанемся.

А волны и стонут, и плачут,

И плещут о борт корабля...

Растаял в далеком тумане "Рыбачий",

Родимая наша земля.